

III.

На другой день въ Оловянниковскую усадьбу пріѣхалъ Ев—ъ. Елизавета чрезвычайно обрадовалась его пріѣзду и обратила на себя вниманіе прислуги тѣмъ, что «смѣялась и хохотала крѣпко»...

— Отчего въ это время,—допрашивалъ впослѣдствіи Елизавету слѣдственный чиновникъ:—вы были веселы и смѣялись?

— Сіе происходило,—отвѣчала обвиняемая,—отъ желанія Ев—а развлечь меня въ огорченіи моемъ. Онъ все время смѣшилъ меня.

Елизавета позвала «дворовую женку» Дарью, велѣла ей поставить самоваръ, вымыть спальню и перемыть бѣлье убитого, на которомъ были кровавыя пятна; но такъ какъ эти пятна никоимъ образомъ не отмывались, то пришлось бѣлье спрятать на чердакъ, въ золѣ, возлѣ печной трубы.

Самъ Ев—ъ нашелъ, что о смерти Оловянникова надо оповѣстить земскую полицію. Пріѣхали исправникъ, стряпчій и уѣздный врачъ. Чиновники эти производили наскоро слѣдствіе, а Елизавета приготовила имъ пакеты съ большими, какъ оказалось впослѣдствіи, денежными вложеніями. Анатомировать тѣло взялся Ев—ъ и, какъ членъ врачебной управы, повѣялъ на уѣзднаго врача. Объявленіе о смерти Оловянникова подъ диктовку Ев—а написалъ Виссаріонъ, и въ это объявленіе была вклеена такая фраза: «покойный страдалъ геморроидальными припадками, почему и умеръ». Передъ анатомированіемъ, чтобы не былъ замѣченъ на шеѣ трупа шрамъ, Елизавета взяла довольно широкую ленточку, продѣла ее въ ушко креста и навязала на шею крестъ такимъ образомъ, чтобы ленточка прикрывала шрамъ. Стали анатомировать трупъ Оловянникова, а подлѣкаръ какъ-то неосторожно сдвинулъ съ мѣста ленточку и обнажилъ кровавый шрамъ. Ев—ъ крикнулъ на подлѣкаря:

— Затѣмъ ты сдвинулъ ленту? Угораздила тебя нелегкая!

Но такъ какъ здѣсь находились посторонніе люди, то Ев—ъ прибавилъ какъ бы въ оправданіе своего окрика слѣдующую нелѣпую фразу:

— Надо показать понятымъ, какъ у покойнаго на шеѣ ленточка лежала.

Ев—ъ самъ написалъ актъ освидѣтельствованія трупа, и въ этомъ актѣ было удостовѣрено, что причина смерти Оловянникова— апоплексія. Уѣздный врачъ только подписалъ свою фамилію.

Земскій судъ призналъ, что Оловянниковъ умеръ естественною смертью, и далъ позволеніе схоронить его. Какъ впослѣдствіи оказалось, Елизавета истратила на это позволеніе 12.000 рублей. Поваръ получилъ «вольную» и также не остался безъ вознагражденія, какъ равно учитель и Виссаріонъ, «усугубившіе послѣ этого свое пьянство».